

ЕВГЕНИЙ СУЛЕС

Москва

ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА

ГРУППОВАЯ ФОТОГРАФИЯ БЕЗ МЕНЯ

Отец в своём любимом чехословацком костюме, мама улыбается кончиками губ. Она всегда говорила, что нужно улыбаться кончиками губ, то ли улыбаешься, то ли нет. Мне кажется, она подглядела это у Джоконды, всю жизнь хотела повторить её загадочную улыбку. У сестры смешная причёска, как у Мирей Матье. И сама она смешная. Брат задумчив. Ему от девчонок не было прохода уже с класса седьмого. И он всегда был озабочен, как бы никого не обидеть, чтобы всем хорошо было. Дела любовные были у него не радостью, а вечной заботой, как у многодетной матери.

Я люблю эту фотографию. Часто прихожу и часами смотрю на неё. Смотрю, как спит мама. Сестра читает книгу, брат говорит по телефону, улаживает дела. Иногда со мной приходит отец.

Меня нет на этой фотографии. 15 июля 1984 года я погиб на войне. «Я не знаю, зачем и кому это нужно / Кто послал их на смерть недрожавшей рукой» – это про нас. Мы те самые мальчишки. Когда эту фотографию снимали, меня уже убили по дороге в Кабул. Мы попали в засаду, меня уложили первого. Больно не было, всё очень быстро произошло. Я даже испугаться не успел. Ни боли, ни страха. Многие ребята мне позавидовали.

Я как-то быстро попал домой. Вот пыльная дорога, крики, стрельба. А вот я уже дома. Они фотографируются и ещё ничего не знают. Папа в своём любимом чехословацком костюме, мама улыбается кончиками губ, сестра со стрижкой, как у Мирей Матье, брат красив и задумчив. Я подошёл к маме и положил ей голову на плечо, как в детстве. Так что я всё-таки на этой фотографии есть. Просто меня не видно.

ЖАЛКО ВЫБРОСИТЬ

Ёлка простояла весь январь и февраль. Было всё некогда, да и жалко выбросить. А в марте зацвела. Она дала зелёные ростки, а потом на ней появились красные цветочки, как на декабристе. Так мы узнали, что уже давно случилась Третья мировая, вошедшая в историю как Тихая война, наша страна проиграла, и в следствии сброшенных на нас «тихих бомб» начались мутации. Ёлка зацвела, моя дочь заговорила на суахили, жена стала читать чужие мысли, я раз в месяц сбрасывал кожу и летал в костромские леса медитировать, а соседка Нина выжигала взглядом на фанере рисунки и играла на кельтской арфе ирландского короля Бриана Бору, прозванного «Седьм богом». Мы не умерли, но изменились, причём капитально. Мы стали непобедимыми самородками, государством странных дел мастеров. Следующую войну, вошедшую в историю как Нелепая, уже выиграла мы. А наши противники стали молчаливниками с большими ушами и навсегда ушли в леса Мансурднии.

МАНДАРИНОВЫЙ КОНТРАБАНДИСТ

Дед Фомы был мандариновый контрабандист. Вывозил тонну мандаринов, получал 3-4 тысячи рублей. После развала Союза, во время войны, сжёг два чемодана денег, превратившихся в обычную бумагу, которой и были изначально. Пламя горело мандариновым цветом.

НИКОЛАЕВ ОБЛЕЗАЕТ НА СОЛНЦЕ

Николаев лежал на горячем песке. Кожа на солнце пузырилась и лопалась, как подсолнечное масло на раскаленной сковородке. Николаев медленно сдирал её и отбрасывал в сторону. Сощурившись, глазел на горящее колесо в небе и твердил слова песни:

«Я на Солнце, я как Солнце,

Мои флаги и кольца поют и звенят».

На пляже никого не было. Николаев попытался слотнуть, но во рту пересохло. Во рту была Сахара. Маленькая личная Сахара во рту Николаева.

Не спуская глаз с горящего колеса, Николаев встал и полез на Солнце, как будто оттуда ему скинули канат, тот самый из спортзала в школьном подвале. Если долезешь, нужно коснуться рукой потолка, испачкать побелкой ладонь в знак доказательства, и посмотреть вниз, видит ли она.

«Быть на Солнце, жить на Солнце,

И уже никогда не вернуться назад!»

– орал Николаев во всё горло, перевирая мотив.

Через время, он оглянулся. На песке лежала его лопнувшая кожа. «Ещё чуть полежит, а потом приливом смоев в море, и никаких следов моего побега не останется!» – радостно подумал Николаев в последний раз и, скорее, уже по привычке.

ТРОЕ В ДВЕРНОМ ГЛАЗКЕ

Был такой старый французский фильм «Троих нужно убрать» с Аленом Делоном. Детектив с жестокими убийствами. Одного застрелили прямо в глазок, в который он решил предусмотрительно посмотреть, прежде чем открыть дверь. Мол, кто там? А там твоя напрасная смерть.

Обо всём этом я подумал, когда позвонили в дверь. Я никого не ждал, да и время было позднее.

– Кто там? – спросил я. В ответ – тишина. Я с опаской – в голове всё крутились кадры из фильма – заглянул в глазок. В дверном глазке стояли трое в длинных стильных плащах и шляпах с широкими полями.

– Кто вы? Что вам нужно? – в ужасе спросил я.

– Кончайте маскарад, Халесин! – увесисто произнёс один из них.
– Что вы говорите?! Я ничего не понимаю! Какой Халесин?! Какой маскарад?!
– Не откроешь ты, откроем мы! – вступил в разговор второй. – И это будет хуже.
– Вы не имеете права! – затрепетал я.
– Мы право имеем, а ты тварь, дрожащая за дверью! Открывай!
– Слушайте, я, правда, не понимаю, в чём дело... Я не знаю никакого Халесина! Честное слово!..
– Это не его голос. Это не он, – вдруг сказал третий, снял шляпу и отёр капли пота со лба платком цвета тёмной запёкшейся крови. На его лице промелькнули страдание и безысходность. Но что можно с уверенностью разглядеть в дверной глазок?
Троица переглянулись и, не сказав больше ни слова, ушла.
Иногда ужас и Кафка стучатся к тебе по ошибке. А может быть, ты просто видишь будущее гадательно, сквозь тусклое стекло дверного глазка.

КОМУ НУЖНЫ АБРИКОСЫ?

Кому нужны абрикосы? Сейчас не до абрикосов, старик. Ты вообще должен сидеть дома, ты в группе риска. Давно в этой группе, лет десять уже, наверное. Видишь, все идут мимо. Народу и так мало, а те, что есть, идут мимо. Не нужны им твои абрикосы. Люди скупают гречку, крупы, туалетную бумагу. Им долго сидеть под домашним арестом, нужно что-то непортящееся, первой необходимости, а ты со своими абрикосами. Я их вообще не люблю. Иди домой, дед...

Хотел я сказать ему. И вдруг вижу – это Лимонов. Стоит на рынке и продаёт абрикосы. Я подошёл, присмотрелся. Точно он.

– Брать будешь?

– Это же... вы?

– Ну я.

– Так вы же...

– И что? У каждого своя загробная жизнь. Кто в шоколаде, кто в говне. А кто с двух до пяти торгует абрикосами на рынке. Когда абрикосы никому не нужны. Вот и вся валгалла.

И тогда я купил у Лимонова абрикосов. Сколько было денег. Пошёл по Москве, ел их, абрикосовый сок капал с холодных губ на подбородок и дальше, на землю. Предлагал прохожим. Но кому нужны абрикосы во время чумы?

Так я дошёл до Чеховки и дал лимоновских абрикосов Володе Гуте. Он ни о чём не спросил, достал стаканы, и мы молча помянули Лимонова и закусили его абрикосами.

НАМ НА СЛЕДУЮЩЕЙ

Мы ехали долго. Пути не было конца и края. Сначала я читал, потом задремал. Когда открыл глаза, в электричке было пусто. Только кто-то одинокий в конце вагона, в капюшоне и спиной ко мне, и рыжая девушка в двух сидениях от меня.

Я смотрел за окно на проплывающие мимо поля, деревья, облака. Украдкой любовался девушкой. Очень захотелось выпить. Тут же появился мужик с бутылкой «Столичной».

– Третьим будешь? – спросил мужик.

– А кто третий?

– Как кто? Она!

Мы посмотрели на девушку. Она улыбнулась. «Действительно будет третьей», – подумал я и по телу пробежали мурашки.

Мы подсади к ней. Мужик достал пластиковые стаканчики, разлил «Столичную». Затем развернул салфетку и положил на неё несколько огурцов, редисок и конфет.

Мы посмотрели друг на друга – мужик, рыжая девушка и я – чокнулись и без лишних слов выпили. Я закусил редиской, девушка конфетой, мужик рукавом.

– Хорошо сидим, – прервал молчание зачинщик.

Белое вдохновение подхватило меня, я почувствовал прилив жизни, будто тебе двадцать лет, ты влюблен, слегка нетрезв, возвращаешься домой с последним метро, и жизнь вокруг жительствоует, дышит, пульсирует.

Мы проезжали красивую реку, я посмотрел девушке в глаза. Я понял, что всё сегодня будет и будет хорошо, даже говорить ничего не надо. Поэтому я просто ей улыбнулся, и она улыбнулась в ответ.

Мужик разливал по второй, когда одинокий в капюшоне, что ехал в конце вагона, поднялся, подошёл к нам и сказал, глядя на меня:

– Нам на следующей.

Монахи ордена «Пятой печати» в одном из отдаленных монастырей жили исключительно своим трудом: огороды за обветшалой стеной, пасека и небольшая винодельня. Паломников не жаловали и даже относились к ним враждебно, насколько это могут позволить себе монахи.

Монахи охраняли Зеркало заднего вида. В обычном зеркале можно увидеть себя. А в Зеркале заднего вида – того, кто стоит за твоей спиной. У обычного человека – это ангел и бес. У грешника – тьма бесов, а ангела нет: человек прогнал его своими делами. У святого – ещё больше бесов, все норовят его свернуть с прямого пути, но есть и ангел, который не отошёл от него, лицо ангела светло. Также видно в этом зеркале всё, что человек сделал за свою жизнь, все его деяния.

По одному древнему пророчеству в конце времён в монастырь должен прийти некто, который посмотрит в Зеркало заднего вида и не увидит там ничего. Одну пустоту. Тьму над бездною. И войдёт он в эту тьму, и стрелки часов повернут вспять. Люди начнут молодеть и возвращаться в утробы своих матерей. Семья отцов вернётся в их чресла. Мир свернётся, как свиток. Останется одно лишь Зеркало заднего вида. И отражение в нём будет пусто и безвидно, как в начале времён.

ЗАНАВЕСКА ВСЁ-ТАКИ ШЕВЕЛИТСЯ

Я зашёл и замер. Стою, не дыша. Кажется, что этим объята вся квартира. Весь дом. Весь город. И это заразно. Не спрашивай по ком «бом-бом».

Она лежала прямо в квартире, тогда ещё можно было не сдавать в морг. Никакого вскрытия и платить не надо. Когда покойника вскрывают, он всё чувствует, просто сказать не может. Смотрю на неё, и мне кажется, что она дышит. Как актёры в кино, играющие умерших. А сам пытаюсь не дышать. Но тайно дышу, как и она, украдкой ворую воздух. Все зеркала закрыты. Чувствую сладкий запах, корицы как будто. Не шевелюсь, замер. Считаю про себя секунды. Раз, два, три... Умри! Застываю, как камень. Слёзы стекают, как воск, по лицу. И только занавеска на окне шевелится, как будто окно это открытый рот, и он дышит, и он живёт.

ОН БУДЕТ ГОВОРИТЬ СО МНОЙ ИЗ ШКАФА

В доме комната, в комнате шкаф, в шкафу скелет. Он будет говорить со мной из шкафа. Всю жизнь. У каждого свой дом, своя комната, свой шкаф и свой скелет в нём. Каждому его скелет говорит из шкафа что-то своё.

Мой говорит о деревенском доме с покосившимся двором. Идёт дождь. В доме горит тусклый свет, лампа в сорок свечей. У окна сидит мужчина с бородой. Он ещё не стар, но уже и не молод. Мужчина читает книгу, начинает дремать. Я тихо вхожу с улицы. Он просыпается, открывает глаза и смотрит на меня.

– Привет, – говорю я.

– Привет, – отвечает он. – Я ждал тебя. Ждал, когда ты вернёшься.

– Ну вот, я вернулся, – пытаюсь говорить беззаботно и от этого похож на социопата с бритвою в руке.

– Поставлю чайник, – говорит он, начинает суетиться и стареть на глазах.

– Как вы живёте?

– Всё хорошо, – отвечает он быстро. – Всё хорошо. Брат скоро вернётся, он в поле.

– Не женился?

Он мотает головой.

– Ты чай или кофе?

– Чай.

– А я кофе.

– Как твоя подагра?

– Не спрашивай! – он машет рукой. – Ты надолго?

– Навсегда.

И он больше ни о чём не спрашивает. Наливает чай, пододвигает сахарницу, достаёт конфеты.